

An aerial photograph of Berlin, Germany, taken from a high vantage point. The foreground is filled with trees displaying vibrant autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. In the middle ground, the dense urban landscape of Berlin is visible, featuring numerous buildings, including several large domed structures and a prominent circular building. The background shows the city's skyline with various skyscrapers and spires under a hazy, overcast sky. A few birds are visible in flight.

Сергей Иванов

Берлин 1940

Сергей Иванов

Берлин 1940

«Автор»

2026

Иванов С. В.

Берлин 1940 / С. В. Иванов — «Автор», 2026

Историко-философский роман о Европе накануне большого перелома. Через дипломатические интриги, разговоры об истории, власти, геополитике и идеологиях герои романа пытаются понять, как устроен мир накануне большой катастрофы. Роман сочетает историческую достоверность, политические размышления и скрытую линию, выходящую за пределы обычной реальности.

© Иванов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Иванов

Берлин 1940

«Берлин — это не город, это состояние нервов»
Джозеф Рот (1894–1939)

Глава 1

1

Берлин в октябре 1940 года жил в странном, натянутом равновесии между уверенностью и тревогой. Осень уже вступила в свои права: влажный холод стелился по мостовым, жёлтые листья липли к тёмному камню, а редкий ветер гнал их вдоль улиц, словно не решаясь задержаться в городе дольше, чем нужно. Днём столица выглядела почти спокойно — трамваи шли по расписанию, прохожие двигались быстро и молча, витрины ещё сохраняли видимость прежней жизни, но внимательный взгляд замечал: выбор стал беднее, свет — тусклее, разговоры — осторожнее.

По вечерам всё менялось. С наступлением темноты город как будто сжимался. Окна гасли одно за другим, улицы погружались в затемнение, и привычный Берлин исчезал, уступая место другому — приглушённому, настороженному. Иногда, где-то вдалеке, раздавался глухой звук сирены и берлинцы на мгновение замирали, прислушиваясь, прежде чем продолжить путь, как будто стараясь не показывать, что уже привыкли.

В правительственных кварталах было светлее, но и там свет казался не столько признаком жизни, сколько необходимостью. Машины подъезжали и уезжали без лишнего шума, двери закрывались быстро, разговоры велись вполголоса. Решения принимались спокойно, почти деловито — так, словно впереди не было ничего неожиданного, только последовательность шагов, уже продуманных заранее.

И всё же в этом порядке ощущалось напряжение. Берлин не выглядел побеждённым и не выглядел ликующим. Он был городом, который слишком много поставил на ближайшее будущее — и теперь жил так, словно старался не пропустить тот момент, когда всё начнёт меняться.

2

Джордж Кеннан, первый советник американского посольства, встретил их в берлинском аэропорту Темпельхоф. Высокий, сухощавый, с аккуратно зачёсанными назад тёмными волосами и внимательным, чуть прищуренным взглядом, он производил впечатление человека, привыкшего больше наблюдать, чем говорить. Тонкие черты лица, сдержанная мимика и почти холодная вежливость выдавали в нём профессионального дипломата, который уже научился не доверять ничьим словам и держать со всеми дистанцию.

Джонатан Келли первым заметил Кеннана и чуть ускорил шаг. Они обменялись рукопожатием — крепким, уверенным, без формальной сдержанности. Это было рукопожатие людей, которые хорошо знают друг друга.

— Давно не виделись, — сказал Келли.

— Слишком, — коротко ответил Кеннан.

Ответ прозвучал почти сухо, но в голосе у первого советника на мгновение проскользнуло что-то живое — едва заметное, как трещина под гладкой поверхностью — и тут же исчезло, уступив место прежней сдержанности. Кеннан отпустил руку и на секунду задержал взгляд на лице Келли, словно отмечая перемены времени — не внешние, а те, о которых не говорят.

— Как долетели? — спросил он уже сдержанным, официальным тоном.

Вопрос был задан без особого интереса, скорее как обязательная часть встречи — короткий переход от личного к делу.

— Как обычно, — буркнул в ответ Келли. — Трясло. Да и обратная дорога, признаться, куда менее интересна, чем путь туда.

Кеннан едва заметно усмехнулся:

— Сейчас всю Европу трясёт. Полёт — лишь частный случай. На высоте это просто ощущается сильнее.

Келли улыбнулся и кивнул в сторону Кира:

— Мистер Эванс. Мой помощник и переводчик. Из Джорджтауна.

Кир решил было уточнить, что он лишь учится в университете Джорджтауна, а сам родом из Северной Каролины, но, поймав внимательный, почти насмешливый взгляд советника, понял — объяснения здесь излишни.

— Добро пожаловать в Берлин, мистер Эванс, — сказал Джордж Кеннан и протянул руку.

— Юджин, — машинально поправил его Кир.

— Юджин, — спокойно согласился Кеннан, пожимая руку.

Рукопожатие было точным и сухим. Никакого перехода на «Джордж» не последовало. Дистанция была обозначена сразу и без слов. Видимо, в иерархии первого советника посольства, интерн из Джорджтауна существовал ровно настолько, насколько это требовалось для текущего разговора.

— А ты оригинально решил вопрос с нашим официальным статусом, — произнёс Келли, обращаясь к Кеннану.

Тот слегка пожал плечами:

— Въезд по процедуре "покровительство посольства" оказался наиболее практичным вариантом, — спокойно пояснил он. — Бюрократия в рейхе сейчас перегружена. Получение служебных или дипломатических виз занимает недели, если не месяцы.

Кеннан сделал короткую паузу и продолжил тем же ровным тоном:

— Имейте в виду: никакого особого положения за этим нет. Вы не частные лица, но и не аккредитованные представители. Служащие, следующие по своим служебным обстоятельствам — без уточнения деталей.

Кир решил вступить в разговор и произнес:

— Удобная формулировка.

— Она и должна быть удобной, — согласился с ним советник. — Оставляет пространство для интерпретации и не создаёт лишних обязательств. Для германских властей этого достаточно, чтобы не задерживать вас при прохождении пограничного контроля и не задавать лишних вопросов.

Кир прищурился:

— И в то же время — не признавать нас официально.

— Именно, — подтвердил Кеннан.

Он посмотрел на Кира внимательно, как будто проверяя, нужно ли объяснять дальше. Тот предпочёл промолчать.

Джордж Кеннан сделал паузу и, отдавая дань вежливости, сказал:

— Сожалею, что не смог встретить вас на прошлой неделе, когда вы были в Берлине транзитом по пути в Москву. В посольстве сейчас чрезвычайно много дел.

— Что случилось? Что-то необычное? — заинтересованно спросил Келли.

Кеннан покачал головой.

— Обстоятельства военного времени. Сначала нам пришлось взять на себя представительство интересов Англии и Франции, вступивших в войну, — он помолчал секунду, затем продолжил: — Забот у нас в связи с этим, разумеется, существенно прибавилось. Потом десять

наших представительств в разных городах Европы были ликвидированы по требованию германского правительства и их функции, насколько это возможно, перешли к нашему посольству.

Кеннан говорил спокойно, без раздражения, но в голосе сквозила усталость человека, уже привыкшего больше работать с избыточной нагрузкой, чем обсуждать её.

— Вы сообщали о сложившейся ситуации в Вашингтон? — спросил Келли.

— Разумеется, — кивнул головой советник. — После того, как три года назад восточноевропейское направление в Госдепартаменте было сведено с западноевропейским в единый европейский отдел, а твоего дядю сослали послом в Анкару, Вашингтон не слишком расположен к оперативным решениям по европейским вопросам и пока не может предложить нам никакого адекватного решения.

— Да, — хмыкнул Келли. — Русский отдел Госдепа ликвидировали с быстротой, скорее характерной для советских методов управления, чем для административной практики нашего Вашингтонского болота.

Кеннан слегка наклонил голову и продолжил:

— Не исключено, что вся эта реорганизация была не вполне внутренней инициативой. Роберт Келли был, как и я, известен Москве своей антисоветской позицией. Его — в Турцию, меня — в Вашингтон, а потом обратно в Европу: сначала в Чехию, затем в Берлин. Ну, а Чипа Боулена — в Москву, на моё место.

Джонатан Келли выдержал короткую паузу, прежде чем заговорить:

— Мой дядя уже в отставке, — сказал он сухо, без интонации.

Кеннан коротко кивнул, принимая это как должное.

— В любом случае, — добавил Келли, — та реорганизация была тогда частью реформ по укрупнению отделов в Государственном департаменте.

И он замолчал, давая понять, что считает тему исчерпанной.

3

Они вышли из здания аэропорта и направились к машине. У тротуара стоял небольшой тёмный «Рено» с прицепом. Ветер тянул по асфальту сырой холод, где-то неподалёку вспыхнула спичка.

Джонатан Келли достал из своего портсигара сигарету.

— Здесь с этим теперь осторожнее, — спокойно заметил Джордж Кеннан.

— На улице ведь можно?

— Можно, — кивнул Кеннан. — Но они относятся к этому всё серьёзнее.

Келли усмехнулся:

— Настолько серьёзнее?

Кеннан слегка пожал плечами:

— Уже несколько лет ведут вполне системную кампанию по борьбе с курением. Ограничения в транспорте, в учреждениях, массированная пропаганда: плакаты и лекции о здоровом образе жизни. Всё подаётся как забота о людях.

Джонатан Келли щёлкнул зажигалкой и с явным удовольствием затянулся:

— И только?

Кеннан посмотрел на него чуть внимательнее:

— Не только. Здесь это всегда шире. Человеческое тело рассматривается как ресурс государства: дисциплина, нация, армия, так называемая "расовая гигиена".

Келли, стряхивая пепел с сигареты прямо на асфальт, внимательно слушал первого советника посольства.

— Логика простая, — продолжал тот. — Вредные привычки — уже не частное дело. Даже сам фюрер бросил курить и любит подавать это как личную добродетель, почти как поли-

тический аргумент. Так что сигарета в Германии — не просто привычка, а своего рода мелкое неповиновение.

Келли хмыкнул:

— Государство против сигарет.

— Государство всегда против того, что не поддаётся контролю, — спокойно поправил Кеннан.

Докурив, Келли окинул автомобиль взглядом — от узких фар и потертых крыльев до небольшого прицепа, куда Кир укладывал их багаж.

— Не слишком представительский транспорт.

Кеннан спокойно открыл дверцу:

— Представительность сейчас не в приоритете. У посольства нет собственного транспорта. Приходится обходиться своими средствами.

Он на секунду задержался, затем добавил ровным тоном, без попытки смягчить формулировку:

— И потом, я же не из клана Круппов, как Боулен, и не из семьи обеспеченных еврейских финансистов с Уолл-Стрит, как Стейнгардт. С пятью тысячами долларов годового дохода особенно не развернёшься.

Кеннан сел за руль и, глядя вперёд, произнес почти без интонации:

— Здесь этого, впрочем, и не требуется, — он на мгновение замолчал, потом продолжил, ещё более сухо: — Передвигаться по Германии стало сложнее. Частные поездки ограничены, ночное движение фактически под запретом. При воздушной тревоге улицы вообще пустеют — никому не разрешается выходить.

Кир прислушался.

— И как вы работаете в таких условиях? - спросил он.

Джордж Кеннан завёл мотор, выждал секунду, потом ответил:

— По возможности — днём. Ночью — по необходимости.

Он прислушался к работе двигателя, слегка убрал подсос, уменьшая обогащение смеси, и продолжил уже спокойнее:

— В рейхе всё жёстко регламентировано: распределение пайков, лимиты на топливо, строгие правила светомаскировки. Кругом инструкции, предписания, циркуляры. Сотрудники посольства, дипкурьеры, гости — все подстраиваются под эти правила. Иначе никак.

Келли кивнул, принимая сказанное.

— Значит, ездим на том, что есть.

— Именно, — ответил Кеннан и мягко вывел «Рено» с обочины, вписываясь в редкий поток вечернего Берлина.

Глава 2

1

Отели с именем «Бристоль» — довольно странное явление старой Европы: вывеска, которая появилась раньше самого понятия «бренд» и потом пережила его рождение. Париж, Вена, Берлин, Женева — в каждом крупном городе возникал свой «Бристоль», и ни один из них не был филиалом другого. Не было ни компании, ни устава, ни единой сети. И всё же имя работало.

Английский портовый город Бристоль придавал этому слову нужный оттенок: надёжность, порядок, умеренная роскошь без показной вычурности. Для континентального гостя это означало не столько саму Англию как страну, сколько её стиль: чистые линии, точный сервис, предсказуемость. Название становилось обещанием, а не географией.

Именно так работал и "бренд до бренда". Он не защищался юридически, не контролировался централизованно, но существовал как общее соглашение между владельцем и клиентом. Хозяин отеля, выбирая имя «Бристоль», как бы подписывался под негласным контрактом: здесь будет тихо, аккуратно, без лишних сюрпризов. Гость, в свою очередь, принимал это обещание, даже если никогда не был ни в Англии, ни в самом Бристоле.

В Берлине этот принцип проявлялся особенно ясно. Отель «Бристоль» не был самым роскошным в столице Новой Европы. Он не соперничал с «Адлоном» по блеску или с "Кайзерхофом" по статусу — "Бристоль" предлагал другое: узнаваемость. Приезжий из Парижа или Вены, увидев знакомое имя, уже примерно понимал, чего ожидать. В городе, где многое могло казаться чужим и непонятным, это давало редкое ощущение устойчивости.

К 1940 году в этом имени появилась ещё одна, почти ироническая нота. Британия и Германия находились по разные стороны войны, но слово «Бристоль» продолжало висеть над входом. Оно утратило прямую связь с политикой и стало чем-то более старым, чем текущий конфликт — частью европейской привычки, переживающей даже войну. Это и есть главный признак настоящего бренда: он перестаёт принадлежать конкретному месту и начинает существовать как самостоятельная реальность.

2

Когда первый советник Кеннан подвёз Келли с Киром к отелю «Бристоль Берлин» на Унтер-ден-Линден, город уже начинал гаснуть. Свет в окнах приглушали, витрины темнели и улица теряла свою дневную уверенность, словно медленно отступала в сумрак.

Джонатан Келли неуклюже выбрался из маленькой машины, бросил быстрый взгляд на фасад здания, усмехнулся, прочитав название. Кеннан заглушил мотор, на секунду задержался, словно прислушиваясь к редкому уличному движению, затем вышел из машины и захлопнул дверцу.

— У нас здесь сегодня намечен деловой ужин с моими хорошими немецкими знакомыми, — сообщил он, поправляя перчатки и, чуть смягчив тон, добавил: — Если, конечно, у вас ещё остались силы после дороги.

Келли хмыкнул:

— Мы тоже можем работать ночью, Джордж, когда это необходимо. Особенно если в качестве инструментов нам выдадут ножи и вилки.

Кеннан коротко кивнул, словно принимая и шутку, и готовность к делу.

— Тогда устраивайтесь. Я пока встречу гостей. Мы будем ждать вас в главном ресторане отеля.

Он слегка повернулся в сторону входа, где уже открылась дверь и изнутри вылился тёплый свет.

Кир обернулся советнику и спросил его:

— А как мы поймём, какой из ресторанов отеля главный?

Кеннан на мгновение задержал взгляд на нём, затем едва заметно улыбнулся Киру — впервые за всё время чуть менее формально:

— Поймёте. Он так и называется "Hauptrestaurant" - главный ресторан.

3

— Рик, Нэйв, — мысленно позвал Кир, идя вслед за Келли к стойке регистрации. — Куда вы пропали? Для моего душевного спокойствия иногда необходимо и ваше общество.

— Что, твоё сознание заскучало без голосов в голове? — фыркнул Рик. — Вообще-то такие голоса, как наши — которые спорят, комментируют и дают указания, — считаются признаком тяжёлого психического расстройства. Того состояния, при котором разум человека начинает терять связь с реальностью.

— Тут я спокоен, — мысленно ответил Кир. — Мои голоса не уводят меня от реальности — они, напротив, раскрывают её передо мной в нескольких измерениях сразу.

Рик усмехнулся:

— Удобная теория.

— Не теория, — возразил Кир. — Обычный человек видит только одну версию мира — ту, к которой привык. Я же вынужден видеть несколько. Иногда это утомительно, но полезно. Вы не заслоняете от меня реальность — вы не даёте мне принять одну её версию за единственную.

Рик ответил не сразу. Его голос прозвучал спокойно, почти рассудительно:

— Разница в том, что большинство людей не осознают, как именно у них это происходит. У них тоже есть внутренний спор — только без голосов. Мысли идут потоком, противоречат друг другу, но всё это скрыто под ощущением единства.

Кир на секунду задумался:

— Значит, я не отличаюсь от других, а просто слышу механизм?

— У тебя он структурирован, — ответил Рик. — И, возможно, поэтому — опаснее.

— Для кого? — удивился Кир.

— Для тебя. Ты не можешь спрятаться за простую версию мира.

4

Келли и Кир вошли в зал главного ресторана «Бристоля» только через сорок минут. Сначала они довольно долго заполняли регистрационные карточки у стойки с готической надписью "Rezeption". Карточки требовалось заполнить аккуратно, без исправлений, разборчивым почерком. Бумага была плотной, чуть шероховатой; чернила ложились медленно, как будто сама форма не терпела спешки.

Портье принял бланки, проверил их и протянул руку за паспортами. Не торопясь, он перелистывал страницы, внимательно изучая их, затем столь же тщательно переписывал данные в толстую регистрационную книгу в кожаном переплёте — строчка за строчкой, без сокращений, с той педантичной точностью, которая исключала случайность.

После этого последовало столь же обстоятельное разъяснение правил светомаскировки. Шторы в номерах должны были быть плотно задёрнуты; свет не должен был быть виден с улицы. Вечером служащие отеля проверят соблюдение этих требований.

После им пришлось долго ждать свой багаж. Когда чемодан Кира, наконец, принесли в его номер, казалась, всё выглядит безупречно, и всё же Кир заметил: ремни лежат чуть иначе, чем он их застёгивал. Почти незаметно — но достаточно для того, чтобы у него возникло ощущение, что чемодан по дороге негласно досматривали.

К тому времени, когда они спустились вниз, ужин уже начинался.

5

За столом, рядом с советником Кеннаном, сидела супружеская пара: мужчина лет сорока с холёным, почти безупречно правильным аристократическим лицом и молодая женщина —

не старше лет двадцати пяти, чем-то неуловимо на него похожая. Это сходство не бросалось в глаза, но ощущалось — в линии скул, в спокойной сдержанности взгляда, в общей манере держаться.

Джордж Кеннан чопорно представил пару как супругов Готфрида и Мелани фон Бисмарк. При этом он не стал уточнять, но из самой интонации представления было ясно: Готфрид — внук того самого «Железного канцлера».

Разговор за столом вёлся на немецком. Речь звучала плавно, без лишней экспрессии, с той точностью, за которой скрывались нюансы, о которых не принято говорить открыто. Кир негромко переводил сказанное Келли, чей немецкий был на уровне, который позволял уловить общий смысл, но не детали разговора.

— Вы знаете, — говорил фон Бисмарк, окидывая взглядом зал главного ресторана. — Когда началась прошлая война этот отель переименовали. Назвали его тогда «Камберленд».

Кеннан чуть приподнял бровь:

— Камберленд? Это ведь графство на севере Англии, у самой шотландской границы.

Готфрид фон Бисмарк едва заметно кивнул:

— Именно. Своего рода компромисс: название оставили английским по звучанию, но лишили его прямой очевидности. В подобных вещах всегда ищут не точность, а приемлемость.

Кеннан с лёгкой иронией заметил:

— Станный выбор для военного времени.

— Не такой уж и странный, — спокойно возразил фон Бисмарк. — В европейской истории всё переплетено куда теснее, чем кажется. Первый герцог Камберлендский, принц Руперт, был сыном курфюрста Пфальцского и английской принцессы Елизаветы Стюарт, дочери короля Якова VI Шотландского, он же Яков I Английский. В таких родословных национальность становится лишь вопросом интерпретации.

Он на мгновение замолчал, затем продолжил:

— После войны, уже в начале двадцатых, отелю вернули прежнее имя.

Келли тихо усмехнулся и произнес по-английски:

— Вывески переживают войны легче, чем государства.

Кир перевел его слова.

— И легче, чем династии, — спокойно добавил фон Бисмарк.

Джордж Кеннан посмотрел на него внимательнее:

— Вы о Виндзорах?

— О них, — энергично кивнул головой внук первого германского канцлера. — В 1917 году британская королевская семья отказалась от своей настоящей фамилии — Саксен-Кобург-Гота. И это имя, в отличие от отеля "Бристоль", они себе уже не вернули.

Он сделал короткую паузу и добавил, чуть медленнее:

— Вывеску можно сменить и вернуть обратно. С происхождением, особенно в благородных семьях, так не поступают.

Кир на секунду задержал взгляд на столе, затем неожиданно для самого себя спросил:

— Они понимали, что будет новая война?

Фон Бисмарк повернул голову. В его взгляде не было удивления — скорее интерес к правильно поставленному вопросу.

— Мой молодой друг, вы когда-нибудь слышали про профессора Хэлфорда Маккинтера из Оксфордского университета?

Кир на секунду замер, словно вспоминая, потом рассеянно кивнул головой и пробормотал:

— Что-то не припоминаю...

Готфрид фон Бисмарк позволил себе снисходительную улыбку:

— В начале нашего века этот профессор опубликовал статью,* которая не просто описывала мир — она меняла сам способ его понимания. Маккиндер убрал лишнее: разговоры о принципах, морали, праве. И оставил только одно — пространство.

Джордж Кеннан тихо добавил:

— И коммуникации.

Фон Бисмарк кивнул:

— Именно. До него считалось, что миром управляют моря: флот, торговля, колонии. Но он заметил, что железные дороги меняют всё. Континент перестал быть разрозненным. Его можно связать. А значит — удерживать изнутри.

Кир быстро переводил Джонатану Келли слова Готфрида фон Бисмарка который говорил, не спеша, словно диктовал и лишь изредка бросал короткие взгляды, проверяя, успевает ли перевод. Когда Кир закончил последнюю фразу, фон Бисмарк выдержал точно отмеренную паузу — ровно настолько, чтобы смысл успел дойти до слушателей и только после этого продолжил:

— Профессор Маккиндер задал очень простой, очень точный, почти грубый вопрос: что будет, если это пространство окажется под единым контролем?

Кир тихо ответил:

— Его нельзя будет сломать извне.

— Вот именно, — сказал фон Бисмарк. — В таком случае вся система, построенная на морском превосходстве, теряет смысл.

Кеннан чуть прищурился:

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, — перебил его фон Бисмарк, — что рано или поздно произойдёт попытка собрать континент. И это будут Германия или Россия. Первая — за счёт промышленности, вторая — за счёт пространства. Эти страны нельзя было допустить до устойчивого союза.

Кеннан спокойно произнёс:

— Потому что это разрушает баланс.

— Потому что это меняет правила игры, — поправил фон Бисмарк. — Навсегда.

Фрау фон Бисмарк посмотрела влюблёнными глазами на мужа и тихо спросила:

— И всё это... из-за географии?

— Не «из-за». — Он на мгновение замолчал. — Согласно ей. География не приказывает. Она ограничивает: а государства уже выбирают в этих пределах и платят за этот выбор.

*"The Geographical Pivot of History" — англ. — "Географическая ось истории" - статья, опубликованная в апреле 1904 года в "Географическом журнале" Королевского географического общества, в которой впервые была сформулирована концепция «опорной зоны» (pivot area) Евразии как ключевого фактора мировой политики.

Глава 3

1

В 1940 году Германия жила на разломе двух элит — старой, унаследованной от кайзеровской империи, и новой, выросшей вместе с нацистским режимом. Их сосуществование было не союзом, а временным равновесием, в котором каждая сторона понимала: другая — необходима, но чужда.

Старая элита — прусское дворянство, офицерство, дипломатия, высшая бюрократия — опиралась на традицию, образование и чувство иерархии. Это были люди, выросшие в среде, где власть воспринималась как служба государству и продолжение истории.

С ранних лет их приучали к умственной дисциплине — к ведению личных дневников, рабочих заметок и деловых записей. Письменная мысль неизбежно медленнее устной, а значит — строже и точнее: она не позволяет уклониться, требует законченности, заставляет довести фразу до конца. В этом замедлении и рождалась ясность. Дневник становился не просто фиксацией событий, а инструментом мышления — способом тренировать самую важную способность человека: способность думать последовательно.

В отличие от простолюдинов, элита начинала такую тренировку с самого раннего детства. Пока деревенские дети проводили время в играх, развивая ловкость и выносливость, в баронских домах их будущие хозяева учились выстраивать мысль, запоминать, анализировать и сопоставлять. Их воспитывали не только для действия, но и для понимания — и именно это различие с годами превращалось в различие в масштабе принимаемых решений.

Новая нацистская элита была иной по происхождению и по духу. Она вышла из партийной борьбы, улицы, идеологической мобилизации. Её представители не имели за плечами династической традиции, но обладали другим ресурсом — энергией, волей и готовностью к перенапряжению. Их формирование происходило не через письменную рефлексию, а через действие: через необходимость быстро реагировать и принимать решения без долгого анализа. Для них государство было не системой, а инструментом, который можно ломать и перестраивать. Их сила заключалась в скорости и решимости, но слабость — в недостатке внутренней дисциплины и способности к медленному, точному мышлению.

Нацистская Германия была не просто государством, а наложением двух разных представлений о власти — выверенной и импульсивной, продуманной и навязанной. И именно это наложение определяло её силу в краткосрочной перспективе и её уязвимость — в долгосрочной.

2

Граф Готфрид фон Бисмарк-Шёнхаузен был частью нацистской системы — глава правительственного округа в Потсдаме, депутат Рейхстага и штандартенфюрер СС — человек, полностью встроенный в административную вертикаль власти. Он не был человеком, сделавшим карьеру благодаря правящему режиму. Скорее — человеком, который оказался внутри управленческой вертикали, уже имея своё место, своё происхождение и своё представление о власти и ее природе.

Именно поэтому фон Бисмарк говорил не об идеологии, а о географии.

Джонатан Келли внимательно слушал прусского графа и нацистского полковника, а затем, через Кира, задал тот вопрос, который считал одним из ключевых для своей текущей миссии в Европе:

— Господин Бисмарк, вы полагаете, что союз между Германией и Россией возможен?

— Конечно, — кивнул головой фон Бисмарк. — И это уже бывало в истории. "Союз трёх черных орлов" — союз Германской, Австро-Венгерской и Российской империй.

Он на мгновение задержал нежный взгляд на жене, любуясь её изящным профилем, но затем продолжил тем же ровным голосом:

— В 1871 году Прусское королевство смогло преобразовать Северогерманский союз в империю во многом благодаря тому, что Российская империя тогда не вмешалась и была заинтересована в ослаблении Франции — это снимало с неё ограничения, возникшие после поражения в Крымской войне.

— И что пошло не так? — спросил Келли.

Фон Бисмарк чуть усмехнулся:

— Германию пристегнули к труп Австро-Венгрии, — произнёс он почти спокойно. — Сильный игрок связал себя с умирающим союзником — и позволил утянуть себя вниз.

— Вы про кризис на Балканах?

— Скорее про кризис Османской империи. После Крымской войны Лондон хотел ослабления Стамбула, но не его падения. Россия побеждает в следующей русско-турецкой войне и усиливается на Балканах, где её интересы напрямую сталкиваются с интересами Вены. Германия выступает посредником и временно удерживает баланс, но, после Берлинского конгресса, доверие было подорвано, и союз начал распадаться.

— Вы хотите сказать, господин граф, что действия британских спецслужб в Турции привели к её ослаблению, что усилило национально-освободительные движения на Балканах и, в итоге, привело к Первой, а затем и ко Второй мировым войнам?

— Да, — кивнул фон Бисмарк, — британские джентльмены в сером называют такие действия не заговором, а английским словом *tradecraft*.*

— В Германии это называется *Realpolitik*,** — саркастически произнёс Джордж Кеннан.

— Вынужден с вами не согласиться, — покачал головой фон Бисмарк. — Это разные уровни одной системы. *Realpolitik* — стратегия: что делать и зачем. *Tradecraft* — тактика: как сделать и какими методами.

— Господа, вам не кажется, — осторожно произнесла Мелани фон Бисмарк, — что вы пытаетесь сказать другими словами всё то, что ещё две с половиной тысячи лет назад было сказано китайским философом Сунь-цзы?

— Пожалуй, — подвёл итог диспуту Кир и процитировал: — «Стратегия без тактики — самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии — шум перед поражением».

Готфрид фон Бисмарк взглянул на Кира с лёгким, почти наставническим неодобрением — не столько за саму цитату, сколько за ту поспешность, с которой тот свёл длинный, многослойный разговор к одной слишком удобной формуле. Однако уже в следующее мгновение выражение его лица смягчилось: в уголках губ мелькнула едва заметная улыбка, он чуть развёл руками, словно признавая, что для молодости подобные обобщения простительны, и предложил вернуться к ужину.

К тому же, заметил он уже более будничным, почти светским тоном, в главном ресторане отеля «Бристоль» блюда пока ещё не нормировались по продуктовым карточкам, а кухня, несмотря на войну, старалась держать довоенный уровень — особенно если расплачиваться валютой, к которой и официанты, и метрдотель, и даже сам шеф-повар относились с куда большим уважением, чем к некоторым нормам и ограничениям.

3

— Что скажешь, Рик? — мысленно спросил Кир, разделяваясь с тонким венским шницелем на своей тарелке.

— Ты молодец, Кир, — ответил Рик. — Наконец-то научился не быть всезнайкой.

— Так ты же сам не дал мне вовремя текст той самой статьи профессора Маккиндера, — возмутился Кир.

— Вот о том я и говорю, — хмыкнул Рик.

— Ну а по существу?

— По существу — все эти теоретики геополитики пытаются ответить на один вопрос: в чём сила. Вернее — где она находится.

— Так теоретик у нас не один? — изумился Кир.

— Пока их трое. Тебе по порядку или всех скопом?

— Давай в хронологической последовательности.

— Хорошо, — согласился Рик. — Начали. Первым был американский контр-адмирал Альфред Мэхэн, который утверждал, что сила в море. Кто контролирует океаны — контролирует торговлю, а через неё — весь мир. Флот, базы, проливы — это артерии власти.

— Мир как система коммуникаций, — подытожил Кир.

— Именно. Но потом появляется Хэлфорд Маккиндер и говорит: нет, вы смотрите не туда. Решает суша. Центр Евразии. Огромное пространство, ресурсы, глубина. Если его собрать с помощью железных дорог и магистральных трубопроводов — то его невозможно сломать извне.

Кир мысленно кивнул:

— Крепость.

— Да, — согласился Рик. — Но затем приходит Николас Спайкмен — ещё один профессор, на этот раз не из Оксфорда, а из Йеля, — и заявляет: вы оба правы, но не до конца. Важно не море и не центр, а то, что между ними. Rimland.*** Там живут люди, там промышленность, там доступ к морю. Там всё и решается.

Кир усмехнулся:

— Значит, не океан и не крепость, а подступы.

— Точно, — подтвердил Рик. — Мэхэн — про движение, Маккиндер — про устойчивость, Спайкмен — про контроль над игрой. Это не спор, а три слоя одной системы: один объясняет — как держаться, другой — где держаться, третий — где бить. Побеждает тот, кто умеет использовать все три слоя. Тот, кто контролирует Rimland, контролирует Евразию; тот, кто контролирует Евразию — контролирует весь мир.

*Tradecraft — англ. — «профессиональные приёмы (ремесло) разведки»; в данном значении фиксируется в английском языке с конца XIX века

**Realpolitik — нем. — «политика реализма»; термин введён Августом Людвигом фон Рохау в книге "Grundsätze der Realpolitik" («Принципы реальной политики», 1853)

***Rimland — англ. — дословно: «краевая земля», «окраинный пояс»

Глава 4

1

Ранним утром следующего дня Кир и Келли вышли из отеля «Бристоль» на Унтер-дер-Линден — аллею, тянущуюся вперёд прямой линией между ровными фасадами домов и тёмными стволами лип. Берлин уже проснулся, но ещё не набрал хода: немногочисленные прохожие и редкие автомобили двигались по своим делам размеренно, без суеты.

Кир покрутил головой, увидел Бранденбургские ворота и уверенно скомандовал:

— Нам туда.

— Погоди, — хмуро пробурчал Келли, доставая портсигар.

Он с наслаждением закурил первую утреннюю сигарету, медленно затянулся, наблюдая за прохожими. Те, поймав на себе его изучающий взгляд, учтиво кивали, произносили своё неизменное "guten Morgen" и спешили дальше. Келли в ответ лишь улыбался и слегка приподнимал шляпу.

— Хорошо ещё, что мне не приходится каждый раз кричать "Heil Hitler", — сварливо проворчал он, приветствуя очередного прохожего.

Пожилый мужчина в сером пальто с крупными коричневыми пуговицами, услышав немецкие слова, замедлил шаг. Его взгляд на секунду задержался — стал внимательным, оценивающим. Затем он вскинул руку и выкрикнул:

— Sieg Heil!

— Ну вот, сглазил, — буркнул Келли, когда прохожий в сером пальто скрылся за его спиной.

— А вы не начинайте первым эту мантру и не будете слушать её продолжение, — посоветовал ему Кир.

— Мантру? — переспросил Келли, обарачиваясь к Киру.

— Это из санскрита — древнего языка Индии: *manas* — ум, *tra* — инструмент. Вместе — «инструмент для ума».

— И как этот инструмент работает?

— Как самопрограммирование через повторение.

Келли недоверчиво хмыкнул:

— И что, всё так просто? Повторил сто раз "Heil Hitler!" — и Адольф стал моим фюрером?

— В принципе, да, — кивнул головой Кир. — Только не сто, а сто восемь раз - по количеству бусин на индийских четках.

— Тогда у них недоработка, — фыркнув, заявил Келли. — Они не выдают партийные четки своим нацистам.

— Так есть разница, — широко улыбнувшись, возразил Кир. — Они в Европе, а не в Индии.

— Разница есть, — произнес Джонатан Келли неожиданно серьезным голосом. — В Индии человек повторяет мантру, чтобы управлять собой, в Европе — чтобы им управляли.

2

Посольство США, к которому они направлялись, находилось около Бранденбургских ворот и занимало роскошный особняк — бывший дворец фельдмаршала Блюхера, некогда подаренный прославленному прусскому полководцу королём Фридрихом Вильгельмом III в награду за взятие Парижа.

Американская дипломатическая миссия в Берлине уже не была посольством в полном смысле этого слова. Ещё в 1938 году посла Вильсона отозвали в Вашингтон после знаменитой «Хрустальной ночи» — той самой точки невозврата, когда насилие в Германии впервые стало

открытым, массовым и санкционированным. Разгромленные витрины, сожжённые синагоги, погромы, учиненные при полном бездействии полиции, — всё это происходило не вопреки власти, а при её участии. Режим перестал притворяться, а внешние наблюдатели перестали делать вид, что не понимают происходящего.

Реакция последовала быстро, но оказалась ограниченной. Были протесты, заявления, дипломатические демарши. Америка отозвала своего посла — шаг редкий и показательный. Но на этом всё и остановилось. Разрыв отношений не последовал. Экономические связи сохранялись, дипломатические каналы оставались открытыми.

С тех пор Соединённые Штаты Америки в Германии представлял лишь *Chargé d'affaires ad interim* — временный поверенный в делах — дипломат более низкого ранга чем посол, аккредитованный не при главе государства, а при министре иностранных дел. Его полномочия позволяли выполнять те же функции: принимать ноты, вести переговоры, поддерживать контакт. Но на практике изменялось всё.

Посол имеет доступ к верхнему уровню власти — к тем, кто принимает решения. Временный поверенный работает с аппаратом — с теми, кто эти решения оформляет. Посол присутствует. Поверенный — допускается. Изменялся и язык дипломатии. Формулировки стали осторожнее, паузы — длиннее, встречи — короче. Слова всё чаще подбирались не для того, чтобы сказать, а для того, чтобы не сказать лишнего. Вежливое общение осталось, но за ним уже не стояло прежнего содержания.

3

Несмотря на раннее утро, все сотрудники посольства были уже на своих местах. Эта неделя для американских дипломатов в Берлине выдалась необычной. Менялся глава дипломатического представительства. Леланд Моррис, новый временный поверенный, принимал руководство миссией от своего предшественника — Александра Кирка. Передача дел шла уже несколько дней и подходила к завершению. В кабинетах накапливались папки с перепиской: отчёты о настроениях в немецком руководстве, записи разговоров, сводки о положении в Европе, телеграммы с пометками «срочно» и «лично».

Некоторые вещи не фиксировались нигде. Именно их и передавали. Уходящий поверенный не пересказывал документы — он объяснял их смысл. Где за формулировкой «возможность обсуждения» скрывается отказ. Где пауза в ответе означает больше, чем сам ответ, а встреча назначена не для того, чтобы договориться, а чтобы проверить реакцию. Все эти вещи не объяснялись ни одной инструкцией, но именно они и определяли границы допустимого.

Джонатан Келли вписался в бюрократическую чехарду дипломатической миссии с такой естественностью, будто он одновременно и принимал, и сдавал дела. Переходя из кабинета в кабинет, Келли подхватывал разговоры на полуслове, вовремя вставлял короткие замечания и так же вовремя замолкал.

Кир же остался в стороне. Он стоял у высокого окна и смотрел на Бранденбургские ворота. Утренний свет ложился на камень жёстко, подчёркивая линии. Внизу люди двигались тем же размеренным ритмом, что и на Унтер-дер-Линден.

Если бы не Нэйв, Кир, вероятно, и не уловил бы почти бесшумных шагов человека, подошедшего сзади и остановившегося около него. Мужчина стоял чуть в стороне, не навязывая присутствия, и тоже смотрел в окно. Высокий, сухощавый, лет тридцати, в тёмном гражданском костюме строгого покроя, без каких-либо знаков принадлежности. Подошедший больше напоминал университетского преподавателя или ученого, чем человека, связанного с дипломатией. Лицо — узкое, с чёткими скулами, почти неподвижное. В нём не было ни демонстративной уверенности, ни давления. Только сдержанность и внутренняя собранность.

— Вы знаете, как называются эти триумфальные ворота? — спросил он Кира по-английски с легким немецким акцентом.

— Бранденбургские? — неуверенно предположил Кир, понимая, что вопрос с подвохом.

— Эти ворота называли «Воротами мира», — с горькой усмешкой произнёс мужчина. — Король Фридрих Вильгельм Второй, умирив Нидерланды, считал, что принёс своему королевству мир — тот самый, с которого должен был начаться "золотой век" Пруссии. А всего пятнадцать лет спустя император Наполеон вошёл в Берлин и приказал снять с ворот колесницу, управляемую богиней победы Викторией. Статую отправили в Париж. Прусский золотой век оказался недолгим.

— Но богиню вернули, — произнёс Кир очевидное, указав взглядом на скульптуру над воротами.

— Да, — согласился его собеседник, — и наградили Железным крестом за восемь лет «плена» в столице Французской империи. Тогда же и площадь у ворот переименовали. Назвали Парижской — в честь взятия столицы Франции фельдмаршалом Блюхером.

— А раньше как она называлась? — спросил Кир из любопытства.

— Очень по-немецки, — хмыкнув, произнёс его собеседник. — Четырёхугольник. По её форме. Название без иллюзий.

4

Первый советник посольства Джордж Кеннан подошел к ним быстрым, почти деловым шагом. В руках он держал несколько тонких папок из плотного картона с аккуратно вложенными листами и несколькими закладками, выступающими сбоку.

— О чём разговор, господа? — спросил он, приветливо улыбнувшись.

— Мы говорили о взятии Парижа прусскими войсками в ходе Наполеоновских войн, — ответил Кир.

— А разве немцы тогда взяли Париж? — озадаченно переспросил Кеннан. — Я, признаться, считал, что это был русский император Александр.

Собеседник Кира едва заметно склонил голову — жест скорее вежливый, чем уступчивый.

— Национальные истории, — начал он говорить с легкой иронией в голосе, — всегда пишутся придворными историками по одному и тому же детскому принципу: «наша мама лучше всех». Император Александр Первый оказался посредственным полководцем, но весьма искусным дипломатом. После того как генерал Ланжерон овладел Монмартром, Александр сделал Парижу предложение, от которого было невозможно отказаться, — и город пал.

— И что это было за предложение? — полюбопытствовал Кеннан.

— Либо Париж сдается, либо его не будет.

Кеннан коротко кивнул:

— Очень лаконично. И, по-своему, гуманно. Я бы, на месте русских, сжёг Париж — так же, как Наполеон сжёг их Москву. Для сохранения исторического баланса.

— А генерал Ланжерон, тот, который взял Монмартр, — он был немцем или русским? — спросил Кир.

— Французом. Парижанином, — коротко ответил его собеседник. — Но на русской службе.

Джордж Кеннан на секунду задержал взгляд на площади за окном:

— Этим летом немцы взяли Париж уже без помощи русских, — сказал он задумчиво. — Париж вновь объявил себя открытым городом и германские войска вошли туда без сопротивления.

Он перевёл взгляд на собеседника Кира и произнёс уже другим, официальным тоном:

— Юджин, позволь представить тебе моего доброго друга, юриста Хельмута фон Мольтке.

Мужчины обменялись коротким рукопожатием.

Джордж Кеннан на мгновение задумался, словно взвешивая, может ли он позволить себе остаться ещё хотя бы на минуту.

— Прошу извинить, господа, мне пора, — наконец решил советник. Потом, чуть понизив голос, произнес: — Думаю, вам будет удобнее продолжить на балконе. Там спокойнее.

Не дожидаясь ответа, Кеннан сделал шаг в сторону и, задержавшись на секунду, добавил:

— Ещё раз прошу меня извинить.

Первый советник ушёл быстро, без оглядки — туда, где его уже ждали другие разговоры, более срочные и более формальные.

5

Кир и Хельмут вышли на балкон. Холодный воздух ударил в лицо резче, чем ожидалось.

— Удачное место, — произнес фон Мольтке — шум уличного транспорта нейтрализует работу подслушивающей аппаратуры.

— Зато мы у всех на виду, — заметил Кир, зябко поводя плечами и невольно окидывая взглядом окна соседних зданий.

— Это не страшно, — спокойно ответил Мольтке. — В дипломатии стены редко защищают. Если Гестапо спросит, то мое сегодняшнее посещение американского посольства связано с делом нашей «Христианской научной церкви».*

Кир слегка повернул голову:

— Я читал памфлет Марка Твена «Христианская наука», — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Не самое лестное чтение для вашей церкви.

— Ах, вот как, — чуть заметно приподнял бровь фон Мольтке. — Хотя да, вы же американец.

Он на секунду задержал взгляд на Кире, затем отвёл его к площади.

— Марк Твен был наблюдателен. Он умел находить слабые места. Но он смотрел на Церковь как на интеллектуальную конструкцию — не входя внутрь. Для многих же это не столько религиозное учение, сколько способ справиться с реальностью.

Мольтке провёл пальцами по краю каменного парапета, словно выверяя мысль.

— Мой отец был первым, кто перевел на немецкий язык Книгу «Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию», написанную Мэри Бейкер-Эдди, основательницей нашей Церкви. Это сложный текст. Не из-за языка, а из-за того условия, которое Книга ставит читателю.

— Какого условия? — спросил Кир.

— Согласиться заранее, — спокойно ответил Мольтке. — Принять исходное допущение ещё до того, как ты понял, о чём идёт речь. Иначе текст не работает.

Кир чуть усмехнулся:

— Удобное условие.

— Не только удобное, — произнёс убежденно Мольтке. — Эффективное. Если человек принимает исходную точку, всё остальное начинает выстраиваться само.

Кир на секунду отвёл взгляд — внутри уже закипало.

6

— Всё, — решительно объявил Рик. — Не могу больше терпеть. Хочу свою религию! Но, похоже, мы опоздали. Все нормальные религии уже разобрали, а нам остались только пояснения к толкованиям!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.